

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ЭМОЦИОНАЛЬНО

ЭШЛИ ФОРД

**ПЛОХАЯ
ХОРОШАЯ ДОЧЬ**

18+

ЧТО НЕ ТАК С ТЕМИ, КТО НАС ЛЮБИТ

БОМБОРА

Книги, о которых говорят

Эшли Форд

**Плохая хорошая дочь. Что
не так с теми, кто нас любит**

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

Форд Э.

Плохая хорошая дочь. Что не так с теми, кто нас любит /
Э. Форд — «Эксмо», 2022 — (Книги, о которых говорят)

ISBN 978-5-04-246046-3

Для поклонников бестселлеров «Замок из стекла» и «Тайная жизнь пчел».

Эшли растет в бедной семье, и у нее непростые отношения с матерью. Она не знает, как справиться с постоянными тревогами, которые не дают ей спать по ночам, и что делать с изменениями в своем теле, которые привлекают нежелательное внимание мужчин. В поисках безусловной любви Эшли начинает встречаться с парнем и становится жертвой изнасилования. Больше всего на свете Эшли хотела бы обратиться к своему отцу за поддержкой. Но есть несколько проблем: он в тюрьме и она не знает, почему он там оказался. Когда бабушка открывает правду об отце, весь мир переворачивается с ног на голову. Пронзительно искренняя реальная история о взрослении, семье, стойкости и прощении.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-246046-3

© Форд Э., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

1	7
2	12
3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эшли Форд

Плохая хорошая дочь: что не так с теми, кто нас любит

Ashley C. Ford. Somebody's Daughter
Copyright © 2022 by Ashley C. Ford. This edition published by arrangement
with Massie & McQuilkin Literary Agents and Synopsis Literary Agency

© Перфильев О.И., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

*Имена и узнаваемые черты некоторых описанных в этой книге
людей были изменены*

*Посвящается моей семье и моим друзьям, которые стали мне
родными*

*Пусть здесь и бушует
Сильный ветер,
Но сквозь доски крыши
Этого разрушенного дома
Пробивается лунный свет.*

Идзуми Сикибу

Эшли,

должен признаться, я был удивлен, получив от тебя письмо. Я только что вернулся с работы, когда один из охранников исправительного учреждения принес мне почту. Я подумал, что это какая-нибудь заказанная мною книга или газета, потому что я почти никогда не получаю письма.

Эшли, не пойми неправильно, но через год будет двадцать лет, как я нахожусь в заключении, а это значит, что твое письмо было первым, которое ты написала мне почти за двадцать лет. Я даже поначалу не знал, как реагировать на него, а только медленно перечитывал слово за словом.

Ты права, утверждая, что ты теперь женщина, а не девочка. Поэтому я не буду обращаться к тебе как к маленькой девочке, а буду говорить с тобой как с женщиной. Но учти, что для меня ты всегда останешься моей маленькой девочкой, не говоря уже о том, что самой милой и лучшей на свете.

Я не знаю, почему Господь даровал мне тебя. Я не заслуживаю такой дочери, как ты, но Бог послал мне тебя не без причины, поэтому я очень рад быть твоим отцом. Прощу тебя! Пожалуйста! Прости меня за всю боль, которую я тебе причинил в жизни.

Я собираюсь прожить достаточно, чтобы выйти из тюрьмы. Я собираюсь устроить свою дальнейшую жизнь. Я хочу показать тебе и твоему брату Ар-Си, как сильно я люблю вас каждую секунду. Эшли, твой отец вернется домой. Не могу обещать, когда точно это случится, но я даю слово, что обязательно вернусь.

С неизменной любовью,
papa

1

– Просто имей в виду, что ты всегда можешь вернуться домой.

Вот оно и случилось. Я ожидала, что мать точно произнесет эти слова, заранее ненавидя этот момент. За два года до ее звонка я переехала в Бруклин из Индианы и поселилась во Флэт-буше со своим бойфрендом Келли. Наши оставшиеся на Среднем Западе друзья строили дома с четырьмя спальнями на площади в один акр под ипотеку, сравнимую с ежемесячной арендой нашей односпальной квартиры. Прожив в городе год-другой, я стала восхищаться всем тем, что раньше считала обычным для любого дома. Посудомоечными машинами, стиральными машинами со встроенными сушилками, задним двором. В нашей квартире из всего перечисленного была только посудомойка, при работе которой на второй стадии цикла с глухим грохотом сотрясались полы и стены. Расхаживая по полу, я ощущала ногами вибрацию.

Чтобы ответить на звонок матери, я встала из-за стола во время ужина. Она до сих пор жила в Форт-Уэйне, моем родном городе. Я же с тех пор, как окончила колледж одиннадцать лет назад, не раз поменяла не только дом, но и город. Она звонила раз в несколько недель – я отвечала примерно на один из двух звонков, – и мы обычно мило болтали минут десять-пятнадцать. Я научилась поддерживать легкую беседу – по крайней мере, я убеждала себя в этом, – стараясь ничего не усложнять и не врать. Мне не хотелось врать ей. Мне хотелось разговаривать с матерью так же, как я разговаривала с большинством других людей и с самой собой. Но она была не просто «какой-то человек», а моя мать, так что задача выглядела невыполнимой. Существовали определенные границы. Мы касались только тех тем, обсуждение которых не закончилось бы спорами, то есть таких, которые по большей части заставляли нас обоих смеяться.

Когда она произнесла фразу о том, что я всегда могу вернуться домой, какая-то часть меня захотела в ответ закричать: «Мама, я люблю тебя, но скорее вылезу из кожи вон и стану драться с каждым встречным на улице, чем мы снова будем жить под одной крышей». Этот красочный образ отражал мои чувства, которые я не осмеливалась выразить вслух из страха нарушить спокойный ход беседы. Перевести все в шутку я не могла, потому что в какой-то степени и вовсе не шутила. Я сердилась на себя за такие мысли, поскольку понимала: ей будет больно узнать, что я всегда так думала. Заодно я сердилась на себя и за то, что не осмелилась высказать это вслух. За то, что заботилась о ее чувствах, боясь сказать правду.

До ее звонка мы с Келли ужинали. Мы были живущими вместе любовниками, пытающимися понять, обладаем ли мы способностью превратиться из любящих друг друга людей в семью, которой мы хотели стать. Мы всячески украшали наше жилище, наше Гнездышко, как мы любовно называли это тесное, но милое пространство. Развешивали дешевые плакаты в рамках на стенах, расставляли по полкам статуэтки и небольшие чучела животных. Строили своего рода баррикаду между нашими мягкими внутренними «я» и жесткой городской средой. Мы не то чтобы не могли снести удары этой среды – просто не привыкли к ее ритму, но все еще надеялись каким-то образом приспособиться к ней. Каждый день мы возвращались домой, к нам домой, и я ощущала защитную силу стен, окружавших пространство нашей общей любви.

У нас была небольшая кухонька, в которой я хотела готовить для кого угодно, хотя в большинстве случаев этим кем-то оказывался Келли. Мне еще многому предстояло научиться, но, как ни странно, таланты во мне все же обнаружили. Подготовка была одним из способов успокоиться, собраться с мыслями и одним из вариантов, который мне предложил психотерапевт. «Постарайтесь уделять время приготовлению вкусных блюд, от которых вам станет лучше на душе. Разве кто-то делает это лучше вас самой?» Совет был как раз того рода, какой дают за деньги. Я до сих пор готовлю. Увлеченное составление обеда или ужина стало для меня занятием, более всего похожим на хобби.

В тот вечер, когда позвонила мама, я готовила пасту. Я всегда старалась рассчитать время так, чтобы блюдо было готово как раз к появлению Келли, чтобы его можно было подать через пару минут. Конечно, он бы съел мою пасту и холодной, но мне хотелось сделать все правильно. Келли работал в книжной лавке и, после того как закрывал ее, приходил домой не ранее чем без четверти десять, а чаще ближе к десяти, если ему приходилось дважды пересчитывать кассу. Я не всегда правильно рассчитывала время, но в тот вечер все получилось идеально. На наших тарелках дымились толстенькие полоски лингвини, политые приготовленным соусом из томатов с чесноком, от которых исходил пар, и мы уже держали в руках вилки.

Когда зазвонил мой телефон, лежавший на кухонном столе, я поморщилась, взглянув на экран. Я всегда старалась как можно реже брать телефон и даже смотреть на него. В свою очередь, Келли мог проходить полдня, даже не вспоминая, где находится его телефон. Не увлекался он и разными социальными сетями. Он часто просил меня отложить телефон, чтобы пообщаться с ним, особенно во время еды. В его просьбе не было ничего плохого, и я не возражала, если только не возникали неловкие моменты. Я и сама понимала, что слишком много времени провожу с телефоном, но иногда мне хотелось, чтобы он просто не обращал на это внимания, как это делала я. И мне самой нравилось находиться рядом с ним. Единственной причиной, по которой я все же решила ответить на звонок во время нашего совместного ужина, был тот факт, что мама более двадцати лет работала по одному графику и в будни после девяти почти всегда уже спала, если не раньше. Увидев на экране ее имя, я забеспокоилась и решила ответить.

– Привет, Мать! – произнесла я фальшиво-бодрым тоном.

Предполагалось, что такой тон позволяет как можно дольше сохранять веселый настрой, насколько это допускают обстоятельства. Обычно она отвечала таким же фальшиво-бодрым тоном: «Привет, Дочь!», а потом мы обе хихикали и говорили друг другу что-нибудь бестолковое, обменивались сплетнями или задавали какие-нибудь повседневные вопросы. Но на этот раз мать ответила: «Привет, детка», и я поняла, что она позвонила не просто посплетничать. Я решила уединиться в спальне.

Закрыв за собой дверь, я села на кровать. От ожидания дальнейших слов у меня сжалась грудь. Я начала считать вдохи и выдохи, как мне советовал когда-то первый психотерапевт, но не вспомнила, на сколько именно нужно задерживать дыхание и сколько секунд выдыхать. Я никогда всерьез не задумывалась о дыхании, пока не наступал нужный момент, а тогда уже бывало слишком поздно. Я слышала, как люди описывают панику, – как будто внутри них что-то поднимается. Для меня же паника – это напряжение мышц, глухой стук в затылке, сосание под ложечкой и мурашки по коже. Ничего при этом не поднимается и не опускается. А распространяется по всему телу.

«Кто-то из моих братьев или сестра?» Больше всего я боялась, что мать позвонила мне, потому что с ними что-то произошло. Начиная со старших классов, а может, и чуть раньше, мне постоянно снились кошмары о том, как кто-то из них умирает. Правда, слава богу, никаких ужасных подробностей в тех кошмарах не было. Даже в самых худших снах я не видела тот самый момент смерти. Я всегда приходила уже потом, и мне оставалось только смириться с последствиями их потери, а проснувшись, убеждаться в том, что мои любимые люди до сих пор со мной. Мать знала про мои кошмары и не раз отсылала меня обратно в кровать после того, как я врывалась в ее комнату, чтобы прислушаться к сердцебиению младшего брата или посмотреть на то, как равномерно поднимается и опускается спина сестры, тяжело дышащей, но живой, просто находящейся в глубоком сне. Кошмары усилились, когда я уехала в колледж и когда окончательно покинула Индиану.

Голос матери вернул меня к нашему незаконченному разговору. Она успокоила меня:

– Все в порядке. Все живы.

Верхняя половина моего тела обмякла от облегчения, и я рухнула на кровать. Я закрыла глаза и, чтобы погрузиться в темноту, прижала руку к закрытым векам, пока перед глазами не показался фон пурпурно-черный, как кульминация синяка.

Если звонок касался денег, то мне хотелось, чтобы она сказала об этом прямо, после чего я бы согласилась или не согласилась ей помочь, и дело с концом. Мать вздохнула, чувствуя мое напряжение. Хотя она и не говорила об этом вслух, но ее все-таки немного раздражало, что я была уже взрослым человеком, который мог проявлять неудовольствие в ее адрес. Как бы мы ни старались обходить молчанием такие моменты, но когда мы испытывали недовольство друг другом, это было понятно без всяких слов. Наконец она заговорила:

– Твой отец выходит из тюрьмы.

Дыхание замерло у меня в горле где-то между ртом и легкими, как будто неуверенное в том, где оно сейчас нужнее. Сердце заколотилось, посылая кровь во взывающие к нему дальние уголки тела, руки задрожали. «Как же там контролируют дыхание? Вдох на счет „шесть“, выдох на счет „шесть“? Или шесть на вдох, семь на выдох?» Неужели я сейчас заплачу? Дрожащей рукой я провела по лицу, чтобы убедиться в том, что еще не заплакала. Нет, никаких слез. Мать продолжала молчать, и пауза вовсе не казалась фальшивой. Было ощущение, как будто она позволяет мне собраться с мыслями и найти нужные слова для передачи моих чувств, независимо от того, какие у меня появятся мысли и как они заставят меня отреагировать.

Пульс ощущался уже во всем теле, особенно в ушах, остро воспринимавших глухие удары. Я с трудом пошевелила губами, чтобы сформулировать единственный вопрос, который более или менее отчетливо всплыл в моем сознании:

– Когда?

– Примерно через две недели. Я только сейчас узнала, что он возвращается домой.

Она снова помолчала, и я опять испытала благодарность за то, что она дала мне время собраться с мыслями.

– Ты в порядке?

Я не была в порядке, но мне не хотелось говорить о том, насколько я сейчас растеряна и волнуюсь. Конечно, было облегчением узнать, что с моими братьями и сестрой ничего не случилось, и к тому же она не сделала и не сказала ничего плохого. Вопрос прозвучал так, будто ее действительно заботило мое самочувствие; пожалуй, так оно и было. Сказать по правде, я всю жизнь ожидала услышать, что мой отец выходит из тюрьмы, но теперь, когда мне наконец сообщили об этом, я испытывала только одно ощущение – желание повесить трубку.

Как обычно, когда мать проявляла сочувствие, у меня возникал соблазн проглотить наживку. Поверить в тот фантастический вариант, что когда-нибудь я начну разрушать стены, разделявшие нас, и то же самое сделает она. И всякий раз я под конец укоряла себя за то, что отошла от обычного развития беседы, не избрала путь наименьшего сопротивления и позволила себе зайти слишком далеко на неизведанную или запретную территорию. Или, что еще хуже, дала втянуть себя в ее фантазии о том, что мы уже близки. Если мы с матерью и делились чем-то личным необдуманно, то речь скорее всего шла о тлеющем уголке мечты, что однажды мы будем щедро пожинать плоды цветущей связи между матерью и дочерью, корни которой мы даже и не думали подпитывать все это время.

Я ответила, что в порядке. Она не стала настаивать, а я ничего не добавила. Подумала, что она вовсе и не рассчитывала услышать от меня никакого ответа, и эта единственная мысль казалась настолько убедительной, что я промолчала. Просто поблагодарила ее за сообщение об отце, сказала, что люблю ее, выслушала ответное признание и повесила трубку.

В замешательстве я вернулась на кухню и села рядом с Келли, испытывая лишь одно желание – побыть рядом с ним. Мне не хотелось, чтобы до меня дотрагивались, даже когда я мысленно призывала себя сдерживать слезы. Телефон я положила на кухонный стол экраном вниз. Келли еще приканчивал свою порцию, но перестал есть и повернулся ко мне. В голове у

меня закружились слова, образы, обрывки бесед, музыка и цвета – и все это в таком пестром и быстром вихре, что я едва улавливала какие-то значения их сочетаний и не могла понять, что именно они хотят сказать мне. Будь у меня такая возможность, я бы позвонила бабушке, сообщила ей новость и выслушала в ответ ее громкое: «Бог всебла!»», как будто она специально молилась именно о таком исходе. Она была довольно религиозной женщиной, и хотя я никогда не разделяла ее веру, ее радостные восклицания приносили мне утешение, когда я больше всего в нем нуждалась. Как сейчас.

Я снова попыталась проконтролировать дыхание и успокоиться или хотя бы не волноваться настолько, чтобы говорить без слез. Череду эмоций проходила сквозь меня быстрее, чем я могла опознать и назвать их. Единственное, что я осознавала, – так это то, что теряю контроль над собой, а потерю контроля я воспринимала как смерть, по крайней мере телом, если не разумом. Если не задумываться о чувствах, то их вроде как не ощущаешь, а если их не ощущаешь, то они не смогут тебя убить.

– Что случилось? – спросил Келли.

Я взяла в руки вилку и попробовала пасту. Она уже остыла. Она была по-прежнему хороша, но не идеальна. Немного пожевав, я проглотила и заговорила, не поднимая глаз:

– Через две недели из тюрьмы выходит мой отец.

И продолжила есть.

Келли замер и уставился на меня широко открытыми глазами, немного приоткрыв рот, но тут же закрыл его.

– Отлично. И как ты к этому относишься?

– Не знаю, – ответила я, посматривая на свой телефон и размышляя о том, не перезвонить ли матери, чтобы узнать подробности.

Но что я ей скажу? На какие из моих вопросов она сможет ответить? А если бы я и сумела подобрать верные слова или верные вопросы, то я не настолько доверяла себе, чтобы точно их сформулировать. Если я перезвоню, даже если нужно перезвонить, то мы поссоримся. В этом-то я была точно уверена. Отставив тарелку, я, несмотря на все внутренние протесты, заплакала.

– Кел, – всхлипывала я. – Я на самом деле не знаю, как к этому относиться.

Сидя на табуретке, я хватала ртом воздух и вытирала слезы. Мой бойфренд терпеливо сидел рядом, посматривая на меня, и когда я опустила на колени одну руку, накрыл ее своей.

Я чувствовала, что знаю своего отца, и знаю, что он чувствует то же самое. На самом деле мы все это время по большей части лишь создавали мысленные конструкции друг друга, но не могли физически их подтвердить или опровергнуть. Мы воображали себе друг друга, представляли, какими мы окажемся, задолго до реальной встречи. Дядя Кларенс, брат отца, часто смотрел на меня, когда мы находились в одном помещении, и я иногда перехватывала его взгляд. В ответ он виновато улыбался, и улыбка его казалась такой знакомой и такой спокойной. «Извини меня. Но ты выглядишь точь-в-точь как мой брат, только поменьше и с косичками», – говорил он. Потом он обнимал меня, и мы вместе смеялись, чтобы прогнать грусть. Мне всегда хотелось, чтобы он рассказал побольше о своем младшем братце, которого так любил, о том человеке, который оставил мне свое лицо и почти ничего, помимо этого. Но дядя редко пускался в воспоминания. Да и встречались мы с ним не так уж часто. Но я продолжала мечтать.

В редких случаях, когда я навещала отца, наши встречи, пусть и приятные, были отягощены грузом наших ожиданий. Мы были рады увидеть друг друга, но не всегда могли сказать то, что хотели больше всего, из риска испортить мечты и фантазии другого. Мы никогда не обсуждали эту тему, но каким-то образом пришли к общему соглашению. Вроде негласного договора между эмоционально отчаявшимися отцом и дочерью. Контракт на поддержание поверхностной связи.

– Все в порядке, детка, – говорил отец, когда я по телефону пыталась извиниться за то, что не писала ему писем. – Напишешь, когда захочешь. Я терпеливо жду и всегда буду счастлив получить от тебя весточку.

Сам же он продолжал посылать мне письма. Он писал о том, что я его любимая девочка, его сокровище и что я лучшая дочь в мире, о какой только можно мечтать. На протяжении долгого времени это было все, что мне требовалось. Конечно, до тех пор, пока мне не понадобилось нечто большее.

2

Самое первое воспоминание о моем младшем брате Ар-Си: он ест переспелый помидор. Помню, как он вцепился в мясистую красную плоть, держа плод единственным доступным ему способом – сжимая изо всех сил. Это нормально для маленьких детей, которые еще не освоили моторные навыки. Для них нет разницы между «держат» и «сжимать». Он не умел по-другому, да и я, честно говоря, тоже. Конечно, внутренности помидора просочились между его маленькими пальчиками, свалившись на белый поднос. Когда он раскрыл ладонь, чтобы откусить кусочек, там оставались только холодные ниточки яркой кожицы и маленькие белые семечки.

Брат был таким маленьким, что не умел даже ходить, но я умела. Покопавшись на нижней полке холодильника, я нашла какую-то еду и попыталась нарезать ее для него ножом для масла. Он же плакал, сидя в ходунках, маленькие колесики которых катались по полу взад-вперед, когда он раскачивался во все стороны. Мама спала так крепко, что его крики не разбудили ее. Мне не хотелось, чтобы она просыпалась, и я решила помочь ей. Я старше брата на четырнадцать месяцев, так что мне, по-видимому, было тогда около трех лет, и это – мои первые воспоминания. Наверное, мое рождение стало для матери настоящим чудом. Ей еще в подростковом возрасте удалили один из яичников, и врач заявил, что другой не будет работать. Но, очевидно, в моем случае он сработал. Затем родился Ар-Си, и я перестала быть чудом. Я стала старшей сестрой, и мне это нравилось. Я с самого начала очень сильно полюбила его.

Я видела, как мама кормит его всякий раз, когда он плачет, поэтому решила, что еда доставит ему удовольствие. Он был моим лучшим другом. Я всячески заботилась о нем. Гладила его по голове и шептала: «Не плачь, малыш, не плачь».

Когда я уже училась в колледже, один из психологов в консультационном центре кампуса сказал, что я не должна помнить ничего из этого, потому что я тогда была слишком маленькой. По его словам, у большинства людей не остается никаких воспоминаний о том времени, когда им было два-три года. Я же сказала, что говорила целыми предложениями еще до того, как научилась ходить, о чем мне при каждом удобном случае напоминала бабушка.

– Ты просто не могла шагать прямо. Мы прозвали тебя «Ковылялка Ли»! – повторяла бабушка, содрогаясь от смеха всем телом и заражая им остальных, даже меня, пусть даже мне было слегка неловко от таких ее признаний. – Но ты показывала на какую-нибудь вещь и четко говорила: «Хочу вот это!» Я тогда еще думала: «Что же это за ребенок такой?»

При этих словах бабушка качала головой, изображая растерянный взгляд, который, по всей видимости, сохранила с тех пор.

Я рассказала психологу о склонности моей бабушки преувеличивать мои младенческие интеллектуальные способности, так что все это может оказаться неправдой. Он что-то записывал в тетради, а я продолжала рассказывать ему истории из детства, насколько я их помнила. Самые ранние мои воспоминания похожи на засвеченные полароидные снимки, размытые по краям и с пятнами по центру. Затем, к четырем годам, картинки становились четче и чище, и их начинали сопровождать голоса. Самый громкий голос принадлежит брату, еще не умеющему как следует произносить мое имя:

– Хэши? Ты где? Где моя Хэши?

Брат настолько любил меня, что мне было легко поверить в то, что я хорошая. В каком-то смысле я была неиспорченным ребенком. Я не сомневалась в себе. Если я решала что-то попробовать, то обязательно пробовала. Если у меня не получалось задуманное, то я пробовала снова. А если получалось, то переходила к чему-то новому. Я не всегда настолько боялась мира, окружавших меня людей и того, что они могут со мной сделать. На заре жизни я нутром чуяла:

не имеет значения, чем занимаются другие или что они обо мне подумают. Тогда я верила в себя.

В четыре года я научилась просыпаться и лежать тихо в ожидании рассвета. Мне хотелось увидеть солнце на рассвете, а для этого нужно было не спать. Желания маленьких детей кажутся такими же маленькими, пусть даже и связаны с небом. Все, о чем мы мечтаем в детстве, – это всего лишь вопрос времени и усилий. Тогда еще слишком рано размышлять о своих недостатках и о том, что нас сдерживает.

В свое время огромное впечатление на меня произвела детская книжка про Солнце. Помню, с каким восхищением я взирала на нашу воспитательницу, простиравшую правую руку с разведенными пальцами для подчеркивания размеров; в левой, тоже немного отведенной в сторону, она держала книгу. Таковы были ее простодушные попытки дать дошколятам представление о невероятной величине нашей дающей жизнь всему миру звезды.

Она произнесла слова «солнечный свет», и мы хором повторили их. Глаза воспитательницы перескакивали с одного предмета на другой в нашем небольшом помещении в поисках того, что могло бы подтолкнуть нас к нужным выводам. Ни серовато-коричневые плитки на полу, ни такого же оттенка потрепанный, с пятнами ковер нисколько не помогли передать суть того, о чем она рассказывала. Как и серое небо, низко нависшие плотные облака, моросящий дождь за окном позади нее. И все же она просила нас сидеть смирно и молчать, пытаясь объяснить что-то про устройство Вселенной, пока жизнь учила нас полностью погружаться в наши собственные дела.

Мне хотелось получать новые знания. Я сидела тихо и ждала продолжения рассказа про Солнце. Учительница открыла книгу на предпоследней странице с потрясающей иллюстрацией. Огромные оранжевые, золотые, желтые вихри с розовыми всполохами навсегда запали мне в душу.

Я не смела даже вздохнуть.

Я повторяла слово «рассвет», распускающееся бутонем на кончике моего языка. Редкие слова достойны тех чудес, которые они описывают. Глубокое «а», погруженное в горло, и верхнее «е», устремленное наружу, к свету и теплу.

Я уверена, что мне и до этого приходилось видеть рассвет, как и слышать само это слово. Небо уже тогда было в моем списке самых любимых вещей. По его виду всегда можно было догадаться о том, что меня ожидает. Солнечный день означал прогулку с семьей, особенно с моим братом Ар-Си, лучшим другом и самым замечательным товарищем по играм. Иногда с нами играла даже мама.

В дождливых днях тоже было свое очарование. Мы с мамой и братом сидели вместе на диване, переплетая ноги и руки, и смотрели фильмы. У нас было четыре или пять детских фильмов на кассетах, и брат знал их все наизусть. Иногда он полностью погружался в происходящее на экране, не сводя с него взгляда и повторяя диалоги одновременно с актерами. Мама, нахмурившись, восклицала: «Помолчи, или я выключу телевизор!» – и тогда он утихал. Но через какое-то время забывался и снова принимался повторять слова героев фильма.

Устав от детских фильмов, мама порой включала что-нибудь для более взрослых зрителей. Мы с братом смотрели и это. Моя одержимость рассветами и закатами только усилилась благодаря заставкам к моим любимым телесериалам «Золотые девушки» или «Чайна-Бич». Солнце над нашим домом никогда не походило на тот фантастический огненный шар из книжки воспитательницы, но я видела нечто подобное по телевизору. Я знала, что где-то такое бывает.

В тот день, возвращаясь из детского сада на заднем сиденье машины, я решила, что хочу рассвет. Я понимала, что рассвет, как и его краски, не могут принадлежать мне одной. Некоторые вещи слишком ценны, чтобы ими не делиться. Они просто происходят, и тебе остается

лишь найти подходящий момент, чтобы стать частью происходящего вместе с теми, кому тоже повезло оказаться в нужное время в нужном месте.

В первую ночь, когда я впервые попыталась увидеть рассвет, мама кого-то ждала. Обычно мы с мамой и Ар-Си спали на одной кровати в студии, но тем вечером она уложила нас на диване, что значительно осложнило мои планы. Окно располагалось прямо за кроватью, но не за диваном. Когда я просыпалась перед тем, как отправиться в детский сад, я охватывала взглядом остатки великолепных красок на небе, но этого было недостаточно. Я убедилась в том, что рассвет выглядит иначе, ярче, великолепнее. Мне хотелось настоящего зрелища, и я знала, что достойна увидеть его. «Я хочу рассвет и увижу его» – такова была простая истина, засевшая в моей детской голове, и я намеревалась во что бы то ни стало добиться задуманного.

Вид с дивана меня не устраивал. Тем не менее я попыталась не спать, хотя бы ради тренировки, – но тепло ног брата, прижатых к моим ногам под одеялом, погрузило меня в туман дремоты, растопившей всю мою решительность. Умом я сопротивлялась усталости, но все же близость теплого тела вскоре убаюкала меня.

Когда я проснулась на следующее утро, солнце уже находилось на небе, а телевизор был включен. До меня донеслись слова рекламы: «Курение – это яд. Сигареты убивают». Я протерла сонные глаза и увидела пачку сигарет, торчащую из черной маминой сумочки. Вдруг она не знает, что курить нельзя? Я встала, чтобы сказать ей, но в комнате ее не было. За закрытой дверью ванной был слышен шум. Я поняла, что она занимается там своими делами, но не могла дождаться, пока она выйдет, чтобы спросить разрешения. Выхватив из сумочки небольшую картонную коробку, я по одной выбросила все сигареты в мусорную корзину, набитую остатками вчерашнего ужина, состоявшего в основном из консервов. Когда мама наконец-то вышла из ванной, я рассказала ей о том, что узнала про сигареты по телевизору.

– Они могли убить тебя!

Мама закатила глаза и стала с серьезным видом искать сигареты. Только тогда я поняла, что, возможно, маме не понравится, что я уже выбросила их.

На ее лице отразилась паника, а вслед за ней запаниковала и я. Когда мы с братом вели себя плохо, мать налетала на нас с кулаками, и в такие моменты у меня всегда появлялась мысль, что я умру. Не думаю, что мать сознательно хотела нас убить. Дело было в ее глазах. Гнев матери высасывал весь свет из ее глаз, и тогда она казалась какой-то чужой, посторонней. Как будто в ней уживались два человека: любящая Мама и иногда возникавшая на ее месте раздраженная Мать. Мать ощущалась отдельно, вне нашего общего гармоничного существования. Она возникала откуда-то изнутри Мама и делала за ту всю грязную работу. Порой такой необходимой «грязной работой» становились мы с братом.

Я тихонько сидела на диване, наблюдая за матерью, стараясь не шевелиться. Я знала, что мама рано или поздно найдет сигареты в черном мусорном мешке, причем некоторые из них – порванными пополам для надежности, и тогда меня накажут. И я уже заранее боялась боли.

Донести на себя я не могла и не хотела. Во мне уже тогда было развито чувство самосохранения. Честность не всегда была лучшим вариантом поведения. Взрослые часто повторяли, как важно говорить правду, что честные всегда получают по заслугам, но я знала, что это не так.

Наверное, раньше был случай, когда я, натворив что-то плохое, осознала это и призналась. Должно быть, наказание за тот забытый проступок оказалось достаточно суровым, потому что позже я никогда не признавалась ни в одной грешке, вытворенной в одиночестве. Я научилась хранить тайны о своем плохом поведении. Никаких признаний и откровений! Если кто-нибудь и захотел бы узнать побольше, насколько плохой я могла быть, ему пришлось бы подблизиться ко мне поближе, но никто и не пытался.

Мать продолжала искать сигареты. В какой-то момент я понадеялась на то, что она подумает, будто сама их куда-то делала. Иногда это случалось. Такой исход стал бы для меня самым

благополучным, но я не была настолько везучим ребенком, а потому просто сидела в ожидании неизбежного.

День медленно тянулся под грузом моего нарастающего страха. Тем вечером я опять заснула рано, обессилив от разлившегося по всему телу нервного ожидания. Проснулась я, судя по ощущениям, в каких-то тисках. Меня сдавило со всех сторон. Телевизор орал. Участники передачи громко кричали, и я не понимала, почему мама не убавляет звук. Голос был слишком близко, а тиски слишком плотные, чтобы я продолжала находиться где-то между сном и реальностью.

– Эшли! – голос матери окружал меня подобно эху звонкого колокола; она схватила меня обеими руками, подняла и потрясла, повторяя: – Проснись!

Я пробудилась достаточно, чтобы понять – меня разбудила не Мама, а Мать. Она застала меня врасплох посреди ночи, и мне некуда было спрятаться от совершенного мною плохого поступка. Мать вытащила меня из кровати, силком приволокла на кухню и показала длинным красивым пальцем, принадлежащим моей настоящей маме, на открытую корзину для мусора. Я даже не потрудилась спрятать сигареты поглубже в мусорном мешке; они так и лежали сверху, с обвинением поглядывая на меня, и я признавала свою вину. Я знала, что виновата. Мусор знал это. А теперь знала и Мать.

Засыпала я тяжело, но была рада, что Мать не потеряла контроль. Она немного дала волю рукам, но я не умерла.

И все равно рассвет будет моим. Только в другой раз.

На следующее утро, проснувшись, я увидела знакомую мне Маму, и мы обе продолжили заниматься своими делами как ни в чем не бывало. Я не винила Мать в том, что она наказала меня. Я понимала, что сама была виновата. Иногда я действительно вела себя плохо, а иногда другие плохо поступали со мной. В любом случае за дурным поведением следовало наказание. Мне хотелось верить в то, что это правда. Что все так или иначе находится под моим или чьим-то контролем. Любая моя вина – это мой выбор. Только от меня зависит, получу ли я сегодня, утаю или совру.

Я решила притвориться хорошей – самым хорошим ребенком, какой только может быть. Тихим и спокойным. Весь день – в детском саду, после него и почти все время дома – я постоянно молчала и открывала рот, только когда ко мне обращались. Это сработало. Мама сказала: «Сегодня ты такая хорошая девочка!» Я улыбнулась, но ничего не сказала.

Я вела себя настолько тихо, что мама не заметила, что мои глаза были открыты, когда она засыпала. Она не обратила внимания, что я перешептываюсь со своей тенью, чтобы не заснуть. Она не почувствовала, как я склонилась над нашим деревянным изголовьем в предрассветных сумерках, откинула бордовую занавеску и встретила рассвет в одиночестве. Солнце вставало для меня – для меня одной – и раскрасило небо в некое подобие разведенных в чашке с молоком разноцветных хлопьев «Лаки Чармз». Нежно-розовые и лавандовые подбрюшья облаков превращались в кроваво-оранжевые. Я шептала своей тени, что хочу удержать солнце для себя. Тень в ответ шептала советы о том, как сохранить воспоминания. Я наблюдала за подъемом солнца, пока оно не начало слепить глаза, а потом сомкнула веки и постаралась запомнить.

Мама не знала, что я могу вести себя плохо и при этом наслаждаться рассветом. Она не знала, что я умею хранить свою правду и свои воспоминания внутри себя. Но я знала.

3

Прежде чем учительница показала мне яркие пастельные цвета рассвета, я подружилась с темными цветами бабушкиной спальни. Комната пропахла ее пудрой и лосьонами и по запаху производила впечатление кондитерской лавки, а не места для отдыха. Не раз ей приходилось вырывать различные средства для ухода за кожей из рук внуков и внучек, облизывающих, откусывающих или проглатывающих драгоценное содержимое упаковок с веществами, источающими уж слишком привлекательные ароматы, чтобы оказаться несъедобными. Что-то в обстановке спальни моей бабушки наводило на мысли о безопасности, и это было единственное место, в котором я не возражала оставаться в одиночестве.

Тишина не заставляла меня почувствовать тесноту пространства – скорее, наоборот, расширяла его. Именно тут, как нигде больше, я ощущала себя частью этого пространства. Когда я выключала свет, никто не догадывался, что я здесь, рассказываю сама себе всякие истории и создаю разные безопасные миры у себя в голове. Другие обычно проходили мимо, не зная, что я сижу тут рядом с ними в темноте.

Не помню, запирали ли бабушка свою комнату или я просто знала, где лежат ключи, – скорее всего, последнее. Однажды я вошла туда, не включив освещение. Из окон на кухне и в гостиной, которые разделяли лишь несколько футов, просачивалось немного света. Я начала напевать себе под нос мелодию из своего любимого мультфильма «*The Littl' Bits*» («Маленькие существа»). Никто, кроме собственной тени, меня не слышал, и потому я пела свободно, не опасаясь наказания. В последний раз, когда я пела эту мелодию, получила в благодарность шлепок по губам. Конечно, потом взрослые поняли, что я не обзывала никого «маленькими сучками», а просто невнятно произносила слова из песенки, как это бывает с малышами. Переказывая эту историю, они смеялись. Но, поднимаясь по ступенькам в спальню бабушки, я без всякого страха кружилась в такт мелодии. Потом щелкнула выключателем и замолчала.

Бабушка предала меня. Или, по крайней мере, мне так показалось. В ее спальне было полным-полно игрушек. Маленькая барабанная установка, самосвал Тонка, кукла-младенец, настольная игра, название которой я не смогла прочитать или не сохранила в памяти. Под ними лежали другие игрушки, а за ними – еще больше игрушек. Оказалось, у нее все это время было столько всяких игрушек, о которых я мечтала, а она даже не делилась ими со мной. Со мной! Бабушка была моим лучшим другом после Ар-Си. И заодно своего рода вторым родителем, поскольку отец находился в тюрьме. Даже когда мы с мамой и братом оставались втроем, без бабушки Билли возникало ощущение какой-то незаконченности.

Почему она скрывала от меня игрушки? И при этом говорила матери: «Иногда я ощущаю такое родство с Эшли, что мне кажется, будто именно я ее родила». И, насколько я помню из постоянных пересказов этой истории, мать отвечала: «Ну, вообще-то ты ее не рожала».

Во мне забрезжила какая-то догадка, и я поняла, что лучше уйти. Я не должна была видеть эти игрушки, даже если и не знала почему. Я лишь надеялась немного побыть одной, попеть, покрутиться, пошептаться со своей тенью. А вместо этого совершила очередной плохой поступок, который тоже останется в тайне. Во всяком случае, никто не пострадает. Никому не придется выдавать свои секреты.

Через несколько недель я позабыла о сокровищах в бабушкиной спальне. Страх того, что взрослые узнают о моем пребывании там, перевесил желание расспросить их о подробностях. Я должна была забыть игрушки, забыть свои ощущения. Мне следовало перестать пробираться в места, в которых мне находиться не полагалось. Мне не хотелось попадать в беду, но еще сильнее и навязчивее был страх, что я открыла дверь в какое-то место, откуда нет возврата.

Начался праздничный сезон, принесший столь необходимое мне отвлечение. Мы с братом спали в огнях рождественской елки, и перед сном, закрыв глаза, наблюдали за тем, как

перед нашими веками переливаются синие, оранжевые, красные и фиолетовые огни. По крайней мере, однажды мама усадила нас, завернутых в одеяла, на заднее сиденье машины вместе с закусками и напитками, и мы поехали куда-то в вечерний сумрак среди снегопада. Мама не говорила, куда мы едем, но было понятно, что на север.

Центр Форт-Уэйна был почти безлюдным, и мама свернула на улицу с односторонним движением с нарядно украшенными историческими зданиями, проехавшись сначала на запад, а потом на восток. Наша официальная прогулка началась с хлебопекарни, где механическое колесо продолжало бесконечный процесс нарезания хлеба. Запах горячего теста, сахара и дрожжей пробуждал рождественское настроение. Пекарню украшали мигающие гирлянды, каскадом свисавшие с нижней опоры не перестававшего вращаться колеса. Мы проехали мимо банка PNC, возле которого были установлены освещенные фигуры Санта-Клауса с его оленями более чем в натуральную величину. Санта подмигнул мне. Я понимала, что это игра света и тени, но подмигнула в ответ на тот случай, если об этом эпизоде узнает настоящий Санта.

Под конец поездки мы добрались до площади с ярким зеленым венком, там мама остановилась и вывела нас из машины. Мы втроем прыгали под венком, установленным слишком высоко, чтобы до него вообще кто-то достал. Мы на это и не надеялись и все же не прекращали попытки. Потом мама кидалась в нас снежками, а мы кидались в нее в ответ. В талом снеге на наших волосах отражались зеленые фонари. Когда мы шли обратно к машине, мне, несмотря на холодную погоду, было очень тепло, но внутри росла грусть – она тянулась откуда-то из прошлого, которое я не могла вспомнить, но при этом не забыла окончательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.